

329.15

С-37

Александр СИМУРОВ

ВОЖДИ

ВОЖАКИ

ВОЖАЧКИ

ТАЙНЫМИ КОРИДОРАМИ ВЛАСТИ

УВЛЕЧЕННЫЙ РОМАНТИК

Петр Миронович Машеров...

Его появление на первой роли в Белорусской парторганизации не планировалось. Кирилл Трофимович, приехавший из Москвы проводить организационный пленум, привез рекомендацию Кремля: избрать Тихона Яковлевича Киселева. Пригласил, как водится, первых секретарей обкомов партии, чтобы проинформировать их об этом и «подработать мнение». Однако секретари обкомов в один голос сказали «нет» Киселеву и «да» Машерову.

Рассуждали они примерно так. Машеров проще, доступнее, демократичнее. Ему в большей мере присущи партийное товарищество, открытость. К тому же героически сражался в годы партизанской борьбы. Хорошо известен среди бывших комсомольцев, составляющих основу партийной организации. Перечисленных достоинств у Киселева меньше, но он обладает многолетним опытом государ-

ственного руководства, решения крупномасштабных республиканских программ, умело пользуется налаженными связями в центральных московских министерствах и ведомствах.

Когда все это положили на весы, чаша П.М. Машерова перетянула. И молодой, энергичный, стройный, высокий, симпатичный, легендарный партизан перешел на правый фланг. По нему стали равняться.

Многим привлекал Машеров, набирая себе сторонников, единомышленников. Он мог кого-то выделить в толпе, подойти, запросто спросить: как живешь? Чего не заходишь? Летая, как правило, вертолетом, садился на лугах к косцам, на ниве к комбайнерам, на механизированных дворах к трактористам. И всюду — беседы, беседы, беседы... Доклады Петра Мироновича напоминали собой художественное чтение — по выразительности, эмоциональности, исполнению. Людям нравились. Он мог в несколько дней поднять республику на заготовку веточного корма, оголить многие рощи, правда, потом все это оставалось нетронутым за ненадобностью. Наоборот, создавало дополнительные неудобства, затраты по очистке силосных траншей и ям.

Увлекающийся романтик по натуре, Машеров иногда в своих суждениях уходил от реалий жизни и представлял неким мечтателем. Но работавшие с ним люди такое видение проблем не осуждали. Человеку, который сталкивается со множеством грехов на этой земле, видимо, иногда хочется подняться выше обыденного, подножного, узколобого, заглянуть за горизонт, пожить сладостью ожидания жизни, которой сегодня пока нет. Машеров умел нарисовать перспективу и зажечь народ огнем светлой надежды.

Петр Миронович слыл глубоко партийным человеком. Сужу об этом и по такому факту. Как-то мы дали в «Правде» ряд крупных критических статей из разных сфер республиканской жизни. В руководящих кругах Минска проявилось недовольство позицией правдивистов. Некоторые открыто потребовали объявить нас «персонами нон-грата». При встречах у корреспондентов прямо спрашивали: вы что, не будете старость доживать в Белоруссии? Как вы себя ведете? Машеров по-партийному отреагировал на подобные разговоры. Вот как он выразил свое отношение к нам в декабре 1979 года в докладе на пленуме ЦК КП Белоруссии:

«Мы ценим усилия, например «Правды», которая в последнее время дает материалов критического плана по Белоруссии, пожалуй, не меньше, чем наша республикан-

ская печать. Это помогает нам лучше увидеть наши недоработки, а кое-где и промахи, способствует совершенствованию стиля управленческого аппарата. И, конечно же, не правы те товарищи, которые говорят, что у союзного читателя могут возникнуть однобокие представления о Белоруссии в связи с тем, что газета «Правда» якобы отдает предпочтение критическим публикациям по нашей республике. Достигнутые успехи всегда остаются успехами, независимо от того, пишут о них или нет. А вот недостатки, если они не вскрыты и продолжают оставаться, оказывают свое все возрастающее отрицательное влияние на ход наших дел, то есть приобретают все более опасный характер».

Такая поддержка помогала нам, возвышала авторитет «Правды» и ее корреспондентов в глазах читателей.

Я всегда был противником рисовать людей только одной краской: белой или черной. Тем более руководителей. У них, как и у каждого из нас, масса недостатков, пороков, промахов. Они такие же разноликие и противоречивые, как и окружающая нас жизнь. И чем больше человек работает, ищет, экспериментирует, тем неизбежней сбои. Нельзя забывать и фактор власти, бесконтрольного пользования ею. Одного она возвеличивает, другого — на глазах губит. Все зависит от чувства меры, рассудительности, трезвости оценок, жесткого самоанализа, самоконтроля. И еще — от умения видеть, кто вас окружает, что вам говорят и в каких целях. Вспомним хотя бы проведение республиканских семинаров по областям. Они прочно и надолго вошли в практику партийной работы, хозяйственного строительства и прежде всего развития аграрного сектора. И здесь в роли запевалы мы видим Петра Мироновича Машерова. Поиск, новаторство, первооткрывательство — его стихия, его жизнь. Конечно, если сравнивать первые семинары и последние, то они во многом отличались.

Вначале по деревням носились многокилометровые колонны легковых персональных машин, поднимая длинные шлейфы пыли и наводя ужас на все живое на пути. Сам видел, как древние бабки, наблюдая за пролетающими механизированными кавалькадами, вслед им крестились и причитали: свят, свят, свят!

Румяными караваемы с солью на расшитых рушниках встречали в областях, районах и хозяйствах толпы белохалатного начальства. На фермах, в бригадах разворачивались буфеты с разносолами, соками, квасом и закусками на скатертях-самобранках под пленочными козырьками. Не обходилось и без обедов и особенно ужинов с горячитель-

ными напитками в гостиницах... Было все это, было. Ведь каждый «хозяин» старался показать свою территорию, свой участок в наилучшем, запоминающемся виде, по которому, как тогда водилось, судили об умении, опыте, зрелости, преданности... Ни денег, ни ресурсов, ни кумача, ни броских лозунгов и плакатов не жалели. Должен признать, в этом отношении мы крепко тогда «насобачились».

Потом все это начало реформироваться, совершенствоваться, входить в более рациональные, здравые, практичные рамки. Легковые машины заменили автобусами. Уменьшилось количество пунктов питания, сувениров, цветных альбомов и буклетов. Сжались сроки. К семинарам-гастролям приурочивались республиканские собрания партийно-хозяйственного актива, а то и пленумы ЦК КП Белоруссии. Короче, постепенно брал верх деловой и критический подход. На эту волну велась и соответствующая настройка.

С удовлетворением могу отметить, что определенную роль в утверждении отрезвляющих оценок, результатов таких семинаров сыграла «Правда». Помню, как редакция получила пространное письмо за подписью 172 сельских строителей. Подготовка республиканских семинаров, писали они, каждый раз сопровождается крайней нервотрепкой, штурмовщиной. Средства, материалы, коллективы строителей снимаются с плановых объектов и в аварийном порядке направляются на возведение объектов показа. Конечно, люди стараются, работают добросовестно, но оплата труда страдает, поскольку премиальных им не выплачивают. Оголенные плановые объекты стоят, не сдаются в срок. Рабочие спрашивали: неужели руководителям республики трудно спланировать проведение семинаров хотя бы на год-два вперед? Тогда бы строители действовали по плану, сдавались объекты в срок, и люди получили бы в порядке поощрения дополнительную оплату.

Внимательно прочитав письмо, Петр Миронович откинулся на спинку кресла и поднял руки:

— Сдаюсь! Рабочие правы. Это наши промашки. Можешь, конечно, выступить, критиковать. Возразить нечего. Но с другой стороны...

И Машеров начал размышлять вслух:

— Передовой опыт требует быстрого и повсеместного внедрения. Энтузиастов-добровольцев раз-два и обчелся. Как быть? Вот и приходится продвигать его волевым способом, порой под страхом партийных взысканий. Маневрировать финансами, ресурсами. Сам же видел, какие

великолепные комплексы построили: свиноводческие, молочные, по откорму бычков. А представляешь, когда такие фабрики мяса и молока вырастут в каждом районе? В десятках спецхозов на мелиорированных землях Полесья?

— Если вы заметили, люди выступают не против этого,— возразил я.— Они против бездумности и скоропалительности в решениях, за перспективу ходя бы на год-два. И потом, что хорошего в гигантомании?

— Не скажи. Тут свои преимущества — промышленные технологии, механика с автоматикой, дешевизна продукции. Надеюсь, отрицать не будешь?

— А экология? Почему о ней забывают? На борисовском стотысячнике знаете, что делают? Из трех тысяч кубометров ежесуточного гидросмыва навоза на удобрения используют только 450, а остальную жидкость прямиком сбрасывают в городскую канализацию. На барановичском «Мире» тоже проблем немало. Я видел в полях обвалованные хранилища... Виновница, как мне объяснили, экономия. При строительстве комплексов «отсекается» именно та часть, которая касается работы с удобрениями. В республике на комплексах в год набирается уже более двух десятков миллионов тонн жидких удобрений!..

А как заполнены крупные молочные комплексы? Полупустуют. Какой продуктивности скот попадает в коровьи дворцы? Хвосты с козьими надоями. Не по-хозяйски иметь такие затраты и не получать окупаемости...

— Проблема, конечно, архиважная. Беремся за нее... Тут двух мнений быть не может,— согласился Петр Минович.— Давай условимся: ты оставляешь письмо нам. Обещаю: поощрим сельских строителей. Впредь они не будут страдать. А проблему с действующими гигантами в целом тоже изучим и, думаю, найдем решение...

И верно, в Борисовском районе кое-что поправили. А вот в моем родном Городокском, в других, где возвели сто- и пятидесятитысячники, овраги, реки, речушки, озера заплывают дерьмом, губится природа. Молчаливо плачет родная земля...

У каждого руководителя свой стиль подготовки корреспонденций и бесед для прессы. Без такой работы ни один из них не обходится. Она, эта работа, по моему глубокому убеждению, словно рентген, высвечивает внутреннее содержание человека. Посмотрите, как она выполняется тем или иным руководителем, и вы безошибочно скажете о его теоретическом багаже, знаниях, силе убеждений, логических рассуждениях, наконец, о человеческих

достоинствах или пороках. Ну а если он сам ничего не пишет, а полностью перекладывает этот нелегкий интеллектуальный труд на своих помощников, на аппарат, что повсеместно и прочно вошло в практику?

Тут ничего не скажешь. Тут, как говорится, темный лес. Со всех сторон. Ох, как трудно угадывать чужие мысли, решать за «самого»! А если он вообще не думает? Тогда получается, что лидер под чьим-то постоянным влиянием. Какой же он в таком случае лидер?

Может, тогда лучше поменять местами: лидера в помощники, а помощника в лидеры? Но что-то я таких случаев не припомню.

И дело в том, что может возникнуть такая трудность: не каждый лидер сможет выполнять функции помощника. Там ведь приходится интенсивно думать и писать.

У Петра Мироновича был свой подход. Конечно же, он, как и другие, привлекал к подготовке статей и бесед своих помощников, компетентных людей из партийного и хозяйственного аппарата. Как правило, созданная группа приглашалась в кабинет Машерова для углубленной беседы. Хозяин кабинета к таким беседам тщательно готовился, всесторонне их продумывал. Он свободно и пространно излагал свое видение предмета, высказывались оценки, делались выводы. Выслушивались разные мнения. Короче, шло интенсивное осмысление проблемы. Намечалась основная канва. После таких бесед «при ясной луне» исполнителям нередко оставалось заняться лишь фактурой. Личная работа над материалом продолжалась и после его готовности. Что-то доосмысливалось, углублялось, правилось.

После публикации Петр Миронович никогда не забывал поблагодарить своих помощников, готовивших корреспонденцию, и не было случая, не в пример другим, чтобы взял себе гонорар за статью или беседу. У него была единственная просьба: оставить три процента на уплату партийных взносов. Остальное распределялось на честной основе между всеми членами группы. Никто и никогда, сколько помню, при таком подходе не выражал и тени недовольства.

Те же, кто не знал особенностей руководителя белорусской парторганизации, шел от сложившихся за многие годы стереотипов в отношениях с журналистами, могли попасть впросак, получали урок на всю жизнь. Вот лишь один случай, свидетелем которого был лично.

На республиканский семинар в Гродненскую область

П.М. Машеров пригласил редактора «Правды» по отделу партийной жизни Виктора Стефановича Кожемяку. Я тоже был на том семинаре. Правдист из Москвы по ходу семинара много и подробно говорил с Петром Мироновичем, внимательно присматривался ко всему происходившему, к действиям и поведению Машерова. У него возникла мысль: кроме репортажа с семинара, спустя какое-то время дать развернутую беседу о стиле и методах партийной работы в республике. Как он поступил? Уехав в Москву, по блокнотным записям написал обширную беседу — вопросы и ответы — набрал ее и прислал гранку на визу Петру Мироновичу. Этим, правда, должен был заняться Иван Новиков, поскольку его Кожемяко взял в соавторы. Но Новиков в то время оказался в отпуске, и за визой пришлось идти мне.

— Сходи быстренько, завизируй,— напутствовал меня В. Кожемяко,— а то материал уже запланирован. Поправки передай по телефону.

Какое же было удивление у Кожемяко и у меня, естественно, когда Петр Миронович наотрез отказался подписать уже готовый материал.

— Я не привык, чтобы за меня писали и вопросы и ответы. Вы за кого меня считаете?— резкоотреагировал Машеров.— Если вы хотите со мной побеседовать, то дайте вопросы, а уж ответы я сам соображу.

— Но так все делают в интересах оперативности,— попытался переубедить я.— К тому же с вами Кожемяко действительно общался два дня и многое услышал...

— То было совсем другое. Беседа для «Правды» не должна так делаться. Пример других для меня не указ..

Ушел я от Петра Мироновича несолоно хлебавши. Позвонил в Москву и обрисовал ситуацию. Кожемяко никак не мог понять и поверить, что написанный им материал отвергнут. Сам связался с Машеровым, долго уговаривал, доказывал, но и он получил «отлуп».

— Раз беседа нужна, наши дела представляют интерес для союзного читателя, вот и приезжайте завтра, вместе поработаем и сделаем беседу,— предложил Петр Миронович.

Так и вышло. Виктор Кожемяко прилетел. В кабинете Петра Мироновича, хотя день был субботний, собралась рабочая дружина: сам хозяин, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК Савелий Павлов, помощник первого секретаря Григорий Вечерко и я. Ответы на вопросы надиктовывали стенографистке. Она их расшифровывала, печата-

ла и возвращала. По машинописи велась и правка. Не поднимаясь из-за стола, без перерывов, проработали шесть часов. Я был потрясен: Машеров ни разу не вышел из комнаты, в то время как я дважды выбежал.

Принесли начисто перепечатанный текст. Петр Мионович еще раз его вычитал и решительно подписал.

— Теперь вопросов нет. Моя беседа,— мягко сказал он.

И Кожемяко, укладывая листы с текстом в папку, зашпешил, стал прощаться, оправдываясь, что до последнего рейса на Москву осталось всего два часа, а еще в аэропорт надо ехать.

— Виктор Стефанович, я приглашаю вас на футбол,— неожиданно предложил Машеров.— Сегодня играет минское «Динамо» с москвичами.

Кожемяко в первый момент даже не понял: в шутку сказано или всерьез. Начал путано доказывать:

— Спасибо... Никак не могу... Завтра дежурить по номеру... Да и билет в кармане, вот он... Нет, нет, исключено... Потом, я не такой уж болельщик... Беседу надо срочно в набор посылать — она в недельной заявке...

— Все уладим, Виктор Стефанович,— спокойно отреагировал Машеров.— Билет ваш давайте сюда. Мы его сдадим. А в Москве будете сегодня. После матча полетите моим самолетом...

У всех отвисли челюсти, а у Кожемяко больше всех. Его авиабилет уплыл из кабинета в руках помощника. Принесли чай с бутербродами. Наскоро перекусив, Петр Мионович увез москвича на стадион, а я, ретировавшись, поспешил домой.

Дальнейшие события разворачивались быстро и по отработанному сценарию. Авиаторы, другие службы заявили внеплановый вылет спецсамолета, конечно, не литерным рейсом, запросили время, воздушный коридор, начали готовить машину, взлет в Минске, посадку в Москве, во Внуково, встречу пассажира (им не сказали, кто летит)... Словом, в личном самолете кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Белоруссии в гордом одиночестве летел журналист-правдист. У многих, встречавших спецрейс в тот поздний вечер, удивлению не было предела...

Я неоднократно мысленно возвращался к рассказанной истории, но так и не смог ответить себе, чем руководствовался тогда П.М. Машеров, предпринимая такой шаг. Иной раз мне казалось, что сделано это из-за глубокого уважения к «Правде» и правдисту. Потом подумаешь-подумаешь, и другое приходит на ум: а может, и в нем завелся

червь вседозволенности, порожденный многолетним беспределом власти, обстановкой того времени в стране и в партии? Ведь остается же фактом, что он в последние годы жизни нередко злоупотреблял временем на заседаниях бюро ЦК, выступая с многочасовыми монологами, допускал субъективные ошибки в кадровых вопросах.

Бесспорный факт и то, что при нем, а значит, с его согласия были возведены импозантные шестнадцатикомнатные особняки в «Дроздах» для первых лиц республики: с плавательными бассейнами и саунами, библиотеками, кинозалами и т.п. Причем все это — и имущество, и обслуга — содержалось за государственный и партийный счет. Как такое оценить? Скромностью по-машеровски? Или подходит более общая оценка: скромностью по-коммунистически?

А ведь некоторые товарищи пытаются иконизировать первых партийных руководителей, в том числе и Петра Мироновича Машерова. В одном из интервью, которое дал работавший тогда членом Политбюро, секретарем ЦК КП РСФСР Иван Иванович Антонович, читаю: «Мне повезло: я начинал жить и работать рядом с прекрасными людьми, память о которых сохраню до последнего своего часа. В первую очередь имею в виду Петра Мироновича Машерова. Это был политик кристальной нравственной чистоты...» Насчет нравственности мы, читатель, кое-что прояснили.

А как соотносить с нравственностью такое?..

В бюро ЦК остро обсуждаются справка и выводы Комитета партийного контроля при ЦК КПСС по результатам проверки расходования государственных средств на ряде предприятий Белоруссии. Выявлены крупные нарушения. Поднимают очередного нарушителя финансовой дисциплины — генерального директора МАЗа Ивана Михайловича Демина.

— Как же вы докатились до такой жизни, Иван Михайлович?— спрашивает Машеров.

— Виноват, Петр Миронович,— быстро соглашается Демин.

— Есть предложение объявить ему выговор по партийной линии. Возражений нет?.. Вот так, Иван Михайлович.

— Спасибо,— благодарит директор.

— За что же спасибо? Мы вам выговор, а вы нам спасибо...

— Все равно спасибо,— не сдавался Демин.

Усевшись рядом со мной после такой «бани», Иван Михайлович, не скрывая недовольства, потом рассказал:

— Звонит как-то мне Машеров и говорит: «Задыхаются строители без автотранспорта. Хорошо бы им подобрать сотню самосвалов. Может ты, Иван Михайлович, сделаешь один выходной рабочим и соберешь эту сотню?» Как послушаться, не помочь Первому? Но ведь у нас все снабжение строго под план. А тут нужны дополнительно сто моторов, сто комплектов электрооборудования, сто комплектов резины... Конечно, мы их достали, хотя и с нарушениями, машины выпустили. Первый их лично распределил по трестам... А мне вот теперь в награду выговор...

Почему же он не поднялся перед всеми и не сказал: в этом деле и я грешен, так что делите выговор на нас двоих... Выходит, Петр Миронович вовсе не был святее папы Римского. Он был просто человеком и не пытался себя выдавать за другого. Именно в этом, собственно, и кроется неординарность, выделявшая его в ряду политиков машеровского эшелона.

Теперь о другой нелепице, выданной И.И. Антоновичем в том же интервью: «Видел и чувствовал, как его чистая душа терзалась сомнениями. Он мучительно искал выход из состояния безнравственности, в которое все глубже погружались высшие эшелоны власти. Наверное, отсюда его бесконечные полеты над республикой на вертолете... Это, конечно, мое личное мнение: Машеров искал развязки, искал смерти...» А куда же в таком случае девать его борьбу за здоровье после удаления почки? То, что он даже курить бросил во имя этого? Напомню и другое: вертолеты приходили из Москвы из «девятки», управлялись пилотами-асами. Каждый вылет, каждое место посадки заранее планировались, готовились госбезопасностью. Так что и тут, Иван Иванович, не сходятся концы с концами, и не надо наводить тень на плетень.

Сегодня утверждать можно одно: Петр Миронович Машеров, как никто другой, был глубоко любим в белорусском народе, во всех его слоях, в каждом уголке земли нашей. Это по-особому проявила его трагическая гибель, отозвавшаяся невосполнимым горем в сердцах белорусов. И не только их. Прошли годы, а к могиле Петра Мироновича продолжают идти и ехать люди: с цветами, с красными яйцами, стихами, просто поклониться... Поди разберись, размотай по ниточке весь противоречивый клубок...